

Развитие жанра русских старопечатных предисловий и послесловий к книгам пошло иным путем; послесловие, напоминающее своего рода краткую повесть о царе, больше в истории русского книгопечатания не повторялось. До середины XVII в. наметилось две линии развития послесловий и предисловий. У последователей Ивана Федорова, печатников Андроника и Ивана Невежи, послесловия имеют справочно-пояснительный характер, по мере усиления которого послесловия и предисловия превращаются в своеобразный общий комментарий к содержанию выпускаемой книги. Другая линия развития послесловий как жанра представлена изданиями печатников «Смутного времени», — Онисима Радишевского и Никиты Феофанова, у которых послесловия становятся проповедями, похвальными словами, как бы произносимыми по поводу бурного времени, когда появились их книги.

В середине XVII в., во время патриаршества Никона, руководившего, как известно, большой работой по исправлению церковных книг, форма предисловий и послесловий получает большее единообразие. Окончательно побеждает, если так можно выразиться, линия Андроника и Ивана Невежи, а не эмоциональная линия Радишевского, слишком тесно связанная с временем «Смуты». Предисловия и послесловия становятся более деловитыми и сухими. Но зато к некоторым изданиям прилагаются стихотворные предисловия, сочиненные по украинскому образцу, так как в украинских изданиях практика послесловий и предисловий была гораздо более разнообразной и они носили более литературный характер, чем в изданиях русских.

Однако с начала 80-х годов XVII в. полностью побеждает прикладная, деловая линия в развитии предисловий и послесловий. Послесловия уже почти не употребляются. Все заменяют предисловия, которые сжимаются в небольшие тексты, составленные по единообразной форме и умещающиеся на титульном листе книги.

В чем же причина одиночества послесловия 1564 г. в литературе и в «печати» древней Руси? Думается, в том стиле середины XVI в., которому следовало послесловие, но который довольно быстро устарел.

Не свидетельствует ли «сокращенность» послесловия о том, что уже в начале 60-х годов XVI в. несколько изменилось отношение к стилю официального повествования середины XVI в. и он стал представляться менее авторитетным, чем раньше? Чтобы ответить на этот вопрос, требуется специальное изучение эволюции стиля официальных исторических произведений XVI в.;⁴³ пока же это только предположение; в связи с ним

⁴³ Пока мы не располагаем подробной картины развития официального литературного стиля XVI в. Общие наблюдения см. в кн.: Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 107—114. Ср. также частные наблюдения над тем, как восхваляли царей в посланиях XVI в. в статье А. С. Демина «Отрывки из неизвестных посланий и писем XVI—XVII вв.» (ТОДРЛ, т. XXI. М.—Л., 1965, стр. 188—189). Что же касается «сокращенности» послесловия к Апостолу 1564 г., то она объясняется и явно формальными соображениями Ивана Федорова. Дело в том, что первопечатник очень заботился о конструкции своей книги. Все тексты его Апостола четко разделяются на главные и на вспомогательные. Первые — апостольские деяния и апостольские послания — выделены богатыми украшениями: большими заставками, вязью, инициалами. Вторые — преимущественно так называемые «Сказания» к апостольским посланиям, играющие роль кратких предисловий к посланиям и поясняющие, когда и кем писано послание и каково его основное содержание, — украшены гораздо скромнее. Они выделены только малыми заставками. Других украшений «Сказания» не имеют: это тексты вспомогательные. Кстати, отсюда понятно, почему знаменитый фронтиспис, изображающий апостола Луку, помещен в Апостоле не в начале книги, что было бы привычнее для нас, а лишь через несколько листов: фронтиспис следует после всех вспомогательных текстов и служит украшением к главному тексту —